

© 2026 А. А. Белоконов
Воронеж, Россия

СВЯТО-ТРОИЦКИЙ ПИСАРЕВСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ВОРОНЕЖСКОГО КРАЯ В XIX–XX вв.

Аннотация. В статье впервые в современной историографии освещаются вопросы возникновения (в 1894 г.), дальнейшей деятельности и закрытия (в 1927 г.) Свято-Троицкой Писаревской женской обители, располагавшейся в Острогжском у. Воронежской губ. Прослеживается судьба некоторых монахинь после закрытия монастыря. Статья основана на данных Государственного архива Воронежской области (ГАВО) и Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО), Российского Государственного исторического архива (РГИА). В результате исследования выявлено, что основательницами обители в конце XIX в. были простые крестьянки. К 1917 г. монашеская община сумела построить жилые и хозяйственные помещения, имелась домовая церковь, строился Троицкий собор. В 1921 г. монастырь закрыли, имущество было изъято государством, монахиням была оставлена церковь и один жилой корпус. В изъятых у монастыря помещениях располагались разные детские учреждения: колония для слабосильных детей, колония для малолетних преступниц. Писаревский монастырь был окончательно закрыт постановлением ВЦИК в 1927 г. Исследование вводит в научный оборот новые архивные данные и вносит вклад в изучение церковной истории Воронежского края и истории Церкви в целом.

Ключевые слова: Острогжский уезд, Свято-Троицкий Писаревский монастырь, детдом, обновленческий раскол, монашество, репрессии монахинь.

Ссылка при цитировании: Белоконов А. А. Свято-Троицкий Писаревский женский монастырь в контексте истории Воронежского края в XIX–XX вв. // Традиции и современность. 2026. № 45. С. 81–89

Белоконов Андрей Александрович (Belokonev Andrey Aleksandrovich) – аспирант Воронежского государственного технического университета, экскурсовод в Дивногорском Свято-Успенском мужском епархиальном монастыре, эл. почта: fatum.1975@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-3113-4733>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2026. № 45. С. 81–89

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 271.2-523.6(470.324); ББК – 60.93;63.3 (253); <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2026-45/81-89>

Свято-Троицкая Писаревская женская обитель располагалась в 12 верстах к юго-западу от г. Острогожска «при хуторе Ново-Харинском» (РГИА. Ф. 796. Оп. 178. Д. 1415. Л. 1), на территории нынешней Новой Осиновки.

В советской и постсоветской историографии сведений о ней нет. В современной историографии о ней есть краткие упоминания в краеведческой литературе, одно в связи с судьбой братии Дивногорского монастыря (Белоконев 2023), другое в связи с борьбой с «обновленцами» в Острогожске (Белоконев 2025), Писаревская обитель упоминалась также в контексте истории беспризорности и детских учреждений (Рылов 2024; Менжулин 2024).

Данная статья является первой научной попыткой максимально информативно описать историю обители в XX в.

История возникновения Писаревского монастыря началась с того, что 21 марта 1894 г. к епископу Воронежскому Анастасию (Добрадину) обратились крестьянки Матрена Клепова и Феодосия Павленкова, которые объяснили, что они и еще пятеро крестьянок совместно купили усадьбу с домом, садом, кирпичным заводом, расположенную рядом с хутором Писаревка, и хотят, чтобы на этом месте появился монастырь, которому они заранее придумали название: «Свято-Троицкий» (РГИА. Ф. 796. Оп. 178. Д. 1415. Л. 1–3).

По указанию Преосвященного Анастасия благочинный Острогожского округа протоиерей Дмитрий Склобовский осмотрел усадьбу, проверил документы и обо всем доложил архипастырю Воронежскому Анастасию (Добрадину), а тот 13 декабря 1894 г. обратился в Святейший Синод с рапортом, в котором поддержал желание семи крестьянок создать монастырь (РГИА. Ф. 796. Оп. 178. Д. 1415. Л. 4–18).

Почти три года Святейший Синод медлил с ответом; протоиерей Дмитрий Склобовский и крестьянки писали прошение о том, чтобы им дали ответ (РГИА. Ф. 796. Оп. 178. Д. 1415. Л. 19–20).

Только 17 декабря 1997 г. Святейший Синод постановил: «при хуторе Ново-Харинском (Писаревка) Острогожского уезда учредить женскую общину, с наименованием Свято-Троицкою, с таким числом сестер, каким община в состоянии будет содержать на свои средства» (РГИА. Ф. 796. Оп. 178. Д. 1415. Л. 35).

С тех пор прошло еще почти два года, и в Воронежских епархиальных ведомостях была опубликована статья священника Аполлона Алексеевского о том, что 18 сентября 1899 г. в Свято-Троицкой обители был освящен храм в честь Успения Божьей Матери, а после освящения храма протоиерей Дмитрий Склобовский говорил о «благости промысла

Божия, соблаговолившего на этом месте и в том самом доме, который был жилищем простых смертных и грешных людей, устроить жилище и селение Бога Всевышнего» (Алексеевский 1899).

Об именах основателей обители автор статьи не упоминает и пишет по этому поводу: «На этом месте жили богатые землевладельцы, которые умерли, и эту землю в складчину купили бедные люди. И все как один, несмотря на различия званий, воодушевляются одним духом и покупают это имение с тем, чтобы устроить общину, а со временем женский монастырь» (Алексеевский 1899: 855).

О Писаревской обители в дореволюционной литературе выявлено два различных по содержанию упоминания.

В описании русских монастырей Российской империи, сделанном в 1909 г., о Писаревской обители сказано следующее: «Свято-Троицкая община в Острогожском уезде. Община расположена при хуторе Ново-Харинском на реке Тихой Сосне, в 12 верстах от города Острогожска. Основана она в 1898 г. на земле, пожертвованной крестьянином Силиным.

Храм один в честь Успения Божьей Матери. Другая церковь начата постройкой с 1904 г. Управляет общиной настоятельница» (Православные Русские обители 1909: 488–489).

В указанной статье есть некоторые неточности и ошибки. Во-первых, фамилия крестьянина, пожертвовавшего землю, не Силин, а Санин. Во-вторых, земля была пожертвована монастырю после постановления Святейшего Синода об открытии обители. И в-третьих, 203 десятины земли были пожертвованы не одним только Дмитрием Саниным, а еще тремя благотворителями (РГИА. Ф. 796. Оп. 178. Д. 1415. Л. 29 об., 30).

В «Путеводителе», составленном А. А. Павловским о Писаревской обители, сказано, что она основана «крестьянином из секты хлыстов, который, используя труд 35 различных девушек-хлыстух, сумел купить 203 десятины земли. Там каждое лето проживало 20 молодых девиц со своим хлыстовским батюшкой, занимались сельским хозяйством. Далее в жизнь общины вмешалось Епархиальное начальство; было решено подать прошение об открытии общины, и Св. Синод утвердил его. Однако хлыстовские настроения оказались неистребимы, и все девушки были вместе с основателем в 1899 г. высланы. По выселении они землю всю продали. После них здесь утвердилась православная община, которая отдельный небольшой корпус преобразовала в церковь Успения Пр. Богородицы, в которой находится чудотворная икона Божией Матери “Милующая Достоинно”, посланная со св. горы Афона. В течение последних двух лет производились работы

по устройству нового храма во имя Пр. Троицы, Св. Николая и Серафима Саровского. Земли при общине теперь 60 десятин. Насельниц сто сестер и три монахини. Порядок внутренней жизни монастырский» (Павловский 1907: 166–167).

В приведенной выше статье содержится не вполне достоверная информация о земельном имуществе монастыря. Что касается «хлыстовства», то об этом ничего из других источников не известно. Однако факты обвинений некоторых основателей монастырей в сектантстве имели место. Так, в начале XIX в. преследованиям подверглась Мария Шерстюкова, основательница пещерного Белогорского монастыря в Воронежской губ.; в суевериях также обвиняли «основателя пещеры у с. Красное Авраама Ковалева, в 1860 г. – Максима Курасова, создателя Гороховской пещеры, в 1892 г. – Тихона Присяжного, пытавшегося возродить Шатрищегорский монастырь» (Степкин 2023: 33).

Основание Свято-Троицкой Писаревской женской обители можно назвать выражением народного православия. Земля, на которой возник монастырь, была крестьянской, и основателями ее являлись не помещики или купцы, а крестьяне, что было тогда относительной редкостью.

Начало XX в. было временем строительства и формирования внутренней жизни Писаревской обители. На ее благо жертвовали свое имущество местные жители. В 1902 г. крестьянка Федора Семеновна Фельчакова, будучи послушницей монастыря, завещала обители 40 десятин земли, находящейся в Острогожском у., близ слободы Екатериновка (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 406. Л. 214). В 1909 г. мещанка Екатерина Георгиевна Ворнаевская, тоже послушница монастыря, пожертвовала дом в городе Острогожске (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 406. Л. 220). Впоследствии этот дом стал подворьем Писаревского монастыря в Острогожске (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 406. Л. 281). Не без трудностей и искушений происходило формирование женской общины. В 1909 г. в Острогожской прессе сообщалось о случае обмана настоятельницы игуменьи Амвросии, заключающемся в том, что она, доверяя одной из послушниц, проживавшей в монастыре десять лет, положила «на ее имя в сберегательной кассе Острогожского казначейства 900 рублей, принадлежащих общине и собранных на построение храма, с тем чтобы по мере надобности брать деньги». Сберкнижка хранилась у игуменьи. Послушница пришла в казначейство, заявила о потере сберкнижки, ей выдали новую, она сняла деньги и ушла из монастыря. Ее затем нашли, она созналась в преступлении (Мощенничество 1909: 2).

Несмотря на трудности внутренней жизни, в монастыре велись строительные работы.

В описи имущества, подлежащего страхованию в 1910 г., в Писаревской обители числились 19 строений: «Успенская церковь (домовая) полуторазэтажная 1882 г. постройки, отапливается 4 голландскими печами и одной русской» (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 406. Л. 284), еще шесть домов разного назначения, а также хозяйственные постройки (амбары, хлебопекарня, конюшня и др.); в страховых документах отмечалось, что все постройки в хорошем состоянии (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 406. Л. 284–286). В монастыре был высажен сад, в котором росло 180 яблонь и 60 груш (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 764. Л. 40).

В Острогожском у. в начале XX в. строился не только Писаревский монастырь, а множество храмов. Протоиерей Дмитрий Склобовский, написавший об этом книгу, отмечает усердие острогожцев «к святому делу создания храмов Божиих» и в то же время пишет о «непочитании детьми своих родителей», о том, что «оскудела любовь между родными, даже братьями» (О времени и о себе 1997: 118). Пренебрежение русскими своими духовными основами привело к трагическим событиям 1917 г.

После Октябрьской революции 1917 г. в стране началась Гражданская война, был чрезвычайно распространен бандитизм. Советская власть в Острогожске с прискорбием констатировала: «Не пройдет ни одной ночи, чтобы этими негодяями не было совершено грабежа или убийства» (ГАВО. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 23. Л. 17).

Нападениям бандитов подвергались не только магазины, квартиры, но и монастыри и храмы. В местной прессе есть статья от 27 августа 1918 г.: «23-го августа. На днях шайкой грабителей человек в двадцать было произведено нападение на Писаревскую обитель. Грабители проникли сначала в помещение гостиницы и странноприимного дома. Не найдя там ничего, они перешли в самый монастырь, где особенное внимание обратили на квартиру игуменьи; сумма кражи достигает значительной цифры. Все произошло так быстро и внезапно, что не было возможности дать знать крестьянам соседних селений, которые несомненно пришли бы на помощь монастырю. Испуганные обитательницы монастыря отдавали грабителям все, что они требовали, опасаясь насилий с их стороны. До сих пор шайки грабителей остаются на свободе» (Отрабление Писаревского 1918: 3).

Писаревский монастырь продолжил свое существование в послереволюционные годы, в 1918 г. он был преобразован в трудовую артель (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 329. Л. 5); Дивногорский мужской монастырь (расположенный в 30 км от Писаревского) также был реорганизован в трудовую артель (ГАВО. Ф. Р-695. Оп. 1. Д. 7. Л. 17). Отметим, что и

другие монастыри в России были вынуждены преобразовываться в артели, так как это была единственная легальная форма существования в те годы.

С лета 1921 г. в южных волостях Воронежской губ. был голод, особенно в Коротояке, находящемся в 10 км от Писаревской обители. «Положение волисполкомов катастрофическое, волисполкомы и сельсоветы слабы; не обеспечены материально. Все без исключения население голодует, настроение унылое... Картина голода в уезде почти ничем не отличается от переживаемого голода в Поволжье. Съедено все что только можно съесть... За последнее время случаи людоедства участились... Президиум Губисполкома неоднократно возбуждал ходатайство перед центром о признании губернии или части ее голодающей, но на все эти ходатайства получал решительный отказ» (ГАВО. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 223. Л. 196 об.).

В это тяжелое время голода, 14 июля 1921 г. Острогжский Уисполком просит монахинь Писаревского монастыря о заключении добровольного договора о сдаче помещения монастыря под детскую колонию для слабосильных детей. Мнение насельниц монастыря было следующим: «...дети, больные “каростой” (чесоткой), позаразят им каждый кустик травы в монастыре, что вселение детей в занятые помещения заставит монахинь уплотниться... они просят помещения не занимать, поселить в любом другом доме, что они готовы пойти навстречу путем шитья белья, вязания чулок для детей» (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 329. Л. 3).

Вскоре местная власть решила закрыть монастырь. 7 октября 1921 г. была создана комиссия и начался процесс конфискации имущества в пользу государства. Были изъяты все монастырские здания, земельные угодья, разные вещи, всевозможный инвентарь, недостроенный собор и «55000 строевого кирпича, строевого дуба 230 штук... 3 коровы, 2 телки, лошадь... картофель 100 пудов, буряк 180 пудов» и другие продукты; подворье в Острогжске (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 406. Л. 123–207).

Процесс ликвидации монастыря происходил постепенно. Представители детской колонии пытались ускорить процесс и писали в уездное бюро юстиции: «Прошу ускорить рассмотрение дела о ликвидации бывшего Писаревского женского монастыря. В настоящее время в Писаревских монастырских зданиях расположены два детских учреждения: Писаревская санитария для слабосильных с числом 70 человек детей и Писаревская трудовая колония с числом 40 человек детей» (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 406. Л. 279).

Игуменья монастыря Магдалина (Мария Ивановна Андрющенкова) писала жалобу в Воронеж-

ское губернское бюро юстиции о «неправильных действиях членов ликвидационной комиссии и творимых ими бесчинствах и угрозах» (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 406. Л. 282).

21 декабря 1921 г. закончилась ликвидация монастыря. В результате насельницы лишились всего имущества, но их оставили жить в одном из монастырских домов; церковь Успения и богослужебные предметы Писаревским сельским советом были сданы в пользование крестьянам села Писаревка и монахиням (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 406. Л. 123, 204).

Как уже отмечалось, с лета 1921 г. в Воронежской губ. начался голод; у монахинь отобрали все продукты питания, как они выжили, остается загадкой.

23 февраля 1922 г. ВЦИК издал декрет об изъятии церковных ценностей из храмов, якобы на нужды голодающих. Весной 1922 г. по всей стране началось изъятие церковных ценностей.

24 апреля 1922 г. из Писаревского монастыря были изъяты некоторые серебряные предметы: диски, кадило, серебряно-позлащенные ризы с икон, общим весом 19 фунтов 56 золотников (приблизительно 8 кг). На актах по изъятию стоит подпись Атропины Филатовой (ГАВО. Ф. Р-602. Оп. 1. Д. 115. Л. 138).

В Острогжске из некоторых храмов изымали по несколько пудов серебра, всего «по уезду изъято 38,5 пудов серебра, немного золота и драгоценные камни» (ГАВО. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 223. Л. 45). Согласно данным Воронежского губисполкома, «по всей Воронежской губернии изъято 9 фунтов золота, 470 с лишним пудов серебра и более 2500 драгоценных камней» (ГАВО. Ф. Р-602. Оп. 1. Д. 115. Л. 206).

Некоторые исследователи считают, что В. И. Ленин не собирался превращать изъятые из церквей ценности в хлеб для голодающих (Кожин 2008: 370). Возможно, это и так, но Воронежский губисполком не был безразличен к бедствиям людей: этот орган неоднократно ходатайствовал о признании голодающими хотя бы некоторых волостей, ходатайствовал разрешить продать половину собранных церковных предметов, чтобы купить хлеб, но ему было отказано (ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 380. Л. 1 об.).

О духовной жизни монахинь известно, что в 1923 г. они были сторонниками патриарха Тихона (Беллавина) и боролись с обновленцами, что отмечается в докладе уполномоченного ОГПУ: «В Писаревском монастыре было нелегальное собрание... чернички принимают большое участие в “тихоновском” движении и распространяют контрреволюционные воззвания патриарха Тихона» (ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 1. Д. П. 23826. Л. 70 об.).

В том же 1923 г. у монахинь появился духовник – игумен Митрофан (Рыбалкин) (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 764. Л. 109). О нем известно, что он проживал в Дивногорском монастыре; в списке монастырской артели игумен Митрофан (Рыбалкин) числился как нетрудоспособный (ГАВО. Ф. Р-549. Оп. 14. Д. 2. Л. 67). В 1923 г. Дивногорскую артель ликвидировали, монастырский собор Успения сдали в пользование группам верующих, но монахам помещения для жилья не оставили (ГАВО. Ф. Р-549. Оп. 14. Д. 2. Л. 2), и они разошлись по разным населенным пунктам. Таким образом, игумен Митрофан оказался в бывшем Писаревском монастыре.

К 1923 г. в детских учреждениях, расположенных на территории бывшей обители, происходят изменения: организуется колония для несовершеннолетних преступников: «...мальчиков отделили от девочек. Теперь в колонии исключительно девочки от 12 до 18 лет в количестве 61 человек» (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 686. Л. 1). В одном из отчетов о детской колонии сказано, что «производится обучение несовершеннолетних преступников правильному ведению сельского хозяйства и производству мелких кустарных сельскохозяйственных изделий» (ГАВО. Ф. Р-492. Оп. 1. Д. 93. Л. 27). В другом отчете за 1923 г. указывается: «...трудовой процесс Писаревской трудовой колонии ограничен только вязанием и прядением шерсти. Инструкторами по обучению этой работе являются сестры Писаревской общины, среди которых имеются лица, получившие и художественное образование в разных учебных заведениях Москвы и других городов» (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 406. Л. 51).

Образовавшаяся трудовая колония находилась в подчинении Уездного отдела народного образования (УОНО). В колонию регулярно приезжали проверки, составлялись отчеты, из которых мы узнаем, что уже к 1923 г. «...в нижних этажах жилых домов оконные рамы выбиты, полы испорчены... все строения неисправны и нуждаются в ремонте... швейных машин две (одна неисправна), одно пианино – неисправно, токарный станок – неисправен» (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 686. Л. 7 об. – 8 об.). В 1925 г. в отчете упоминается та же самая ситуация: «...дети босы, сидят в холоде, ремонт не производится, прошу УОНО разрешить разборку кирпича из недостроенной церкви, чтобы купить все необходимое» (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 764. Л. 52). Тут можно отметить, что в Писаревском монастыре планировали построить огромную по размерам церковь. Об этом свидетельствует тот факт, что с момента ликвидации монастыря местные жители разбирали церковь на кирпичи (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 406. Л. 312) и в 1925 г. еще не разобрали, а также то, что 55 000 кирпичей было приготовлено, чтобы достроить эту

церковь. Проверяющие детской трудовой колонии в своих отчетах писали, что монахи плохо влияют на детей; в отчете за 1925 г. предлагалось «общину выселить, церковь закрыть» (ГАВО. Ф. Р-751. Оп. 1. Д. 764. Л. 116).

Однако 8 марта 1926 г. монахини перезаключили договор с Ново-Осиновским Советом рабочих и крестьянских депутатов на пользование Успенским храмом. Под договором стоят подписи монахинь и настоятельницы Магдалины (Марии Андрющенковой) (ГАВО. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 121. Л. 75).

8 декабря 1926 г. УОНО обратился в Острогожский уездный исполнительный комитет с ходатайством о закрытии церкви при Писаревской колонии. Было вынесено следующее постановление: «Имея в виду, что церковь находится в одном из жилых домов зданий Писаревской трудовой детской колонии, Писаревский монастырь используется незначительной группой верующих, которых может обслужить церковь в селе Новая Осиновка, возбудить ходатайство перед Губисполкомом о закрытии и расторжении договоров, поручив орг. части УИКА представить Губисполкому соответствующую докладную записку» (ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 1952. Л. 44 об.).

Губисполком дал ответ, что нужно прояснить ряд вопросов, прежде чем принять решение о закрытии. Например, о том, на какие средства жили и живут монахини, закреплены ли здания колонии за УОНО и прочее. Начальник Острогожской милиции написал в Губисполком рапорт: «1) Церковь в монастыре пользуется община села Писаревка и монашки. 2) Раньше сам монастырь был общественный и, по объяснению уполномоченной от монашек Бухтояровой Анастасии Тихоновны, кельи, в которых они живут, были построены за счет монашек, но документов, подтверждающих на этот счет, не имеется. 3) Помещений, находящихся в монастыре, семь зданий, за исключением церкви, каковая представляет себя вида жилого помещения, закреплены за УОНО. 4) Количество церковных старух 60 человек. Из них 20% нетрудоспособные, каковыя проживают на иждивении других. Как раньше, так и теперь живут за свой счет, т. е. зарабатывают рукоделием. Общество монашек никакой организации не представляет, т. к. они нигде не зарегистрированы. Занимаются рукоделием и имеют побочный доход от граждан, живущих в окрестности Писаревки, каковыя посещают их монашек по обычаю религии. Помещения, в которых живут монашки, числятся за государством, договор с УМХ срок истек 22 апреля 1925 г., уплату за помещение не производят. Одноэтажный дом из пятнадцати небольших комнат. Монашки зарабатывают рукоделием, но ежедневно проводят религиозный обряд и тем самым вну-

шают разлагающие действия на там находящихся несовершеннолетних детей и своим влиянием не дают вести правильное воспитание детей» (ГАВО. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 121. Л. 2–2 об.).

Губисполком вынес постановление о закрытии храма в бывшем Писаревском монастыре. Монахи с этим не согласились и написали ходатайство во ВЦИК, в котором просили не расторгать договор и объясняли, что они «аккуратно выполняют все обязанности, указанные в договоре, и противоречий против Советской власти не делают... Заведующий детской колонией и возбудил ходатайство о закрытии нашей церкви, так как ощущается недостаток в жилых помещениях. Но на такое заявление нельзя верить заведующему колонией о том, что десять огромных зданий не хватает для проживания шестидесяти человек. Группа верующих отлично знает, что трудколонией один дом с большим количеством комнат сдан под частные квартиры, и шесть больших зданий находятся совершенно пустынными, так что здание нашей церкви трудколонии совсем не нужно. Церковь находится от зданий трудколонии в отдельности и препятствий для ихней жизни совершенно никаких не делает, а посему закрытие этого весьма чтимого и любимого населением сельца Писаревки и его окружности недопустимо. Закрытие храма Успения Божьей Матери повергнет в глубокую скорбь всех жителей села Писаревки и его окружности, молившихся в этом храме тридцать лет. Без преувеличения можно сказать, что прихожане Успенского храма считаются не только верующие села Писаревки, но многочисленные верующие окрестных деревень, постоянно приходящие молиться в этот храм, который в храмовые праздники не может вместить в себя всех богомольцев. Повторяем, что этот храм весьма и весьма дорог всем православным жителям села Писаревки, и закрытие этого храма будет для нас большим нравственным ударом, и поэтому усерднейше ходатайствуем пред Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом об отмене постановления Воронежского Губисполкома» (ГАВО. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 121. Л. 48–48 об.).

18 июня 1927 г. ВЦИК отклонил просьбу верующих, а 27 июня того же года Острогжский адмтдел доложил в Воронежский Губисполком: «Все здания бывшего Писаревского монастыря, ранее занимаемые монахинями, освобождены, священное для верующих имущество передано в церковь Покрова в Новой Осинке» (ГАВО. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 121. Л. 74).

Однако это донесение было сделано поспешно. В материалах дела имеется рапорт старшего милиционера, датированный 3 июля 1927 г., в котором говорится, что меры по выселению девяти монахинь и заштатного священника Митрофана Рыбалкина не дают результатов и нужно их выселить

принудительно, но затем 6 июля 1927 г. он сообщил: «выселение добровольное считать окончанным» (ГАВО. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 121. Л. 60).

Отметим, что в том же 1927 г. был расторгнут договор на пользование Успенским храмом в Дивногогорском монастыре, то есть обитель была окончательно закрыта (ГАВО. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 121. Л. 101–105). В 1927 г. был закрыт Новодонецкий Предтеченский мужской монастырь под Богучаром (ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 1504. Л. 28, 28 об.). К 1930 г. все монастырские храмы и монастыри по Центрально-Черноземной обл. (ЦЧО) были закрыты (ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1624. Л. 31–32).

После закрытия монастыря монахини стали проживать в разных населенных пунктах небольшими группами. Известно, что несколько монахинь Писаревской обители окормлялись у бывшего насельника Дивногогорского монастыря иеромонаха Иннокентия (Дубинина), который после закрытия обители в 1924 г. проживал в с. Селявное (в 2 км от монастыря). Он не принял «обновленчество»; принадлежал к «бுவескому» течению (ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П. 19295. Л. 46). «Бувесцами» в Воронежской епархии назывались сторонники епископа Алексия (Буя); они перестали поминать за богослужением заместителя местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского) и не приняли его «Декларацию» о лояльности к советской власти.

Иеромонах Иннокентий Дубинин и восемь монахинь бывшего Писаревского монастыря были арестованы 21 декабря 1929 г. Обвинялись по статье 58-10, 58-11. Вот их краткие биографические данные: Киселева Фекла Николаевна, 1886 г. рождения, уроженка с. Шестаково, находилась в Писаревском монастыре с 1905 по 1927 г.; Трофимова Наталья Борисовна, 1885 г. рождения, родилась в Коротояке, с 1906 по 1927 г. в Писаревском монастыре; Безмельцева Феодосия Ивановна, 1884 г. рождения, уроженка с. Лесное Уколово, с 1905 по 1920 г. жила в Писаревском монастыре; Липовцева Мария Павловна, 1891 г. рождения, уроженка Коротояка, с 1909 по 1927 г. в Писаревском монастыре; Марченко Ефросиния Ивановна, 1872 г. рождения, родилась в с. Гнилое Острогжского р-на, с 1905 по 1927 г. в Писаревской обители; Афоничева Прасковья Андреевна, 1884 г. рождения, уроженка с. Селянкино Верхне-Икорецкого р-на, с 1906 по 1926 г. в Писаревской обители; Гриценко Ульяна Алексеевна, 1890 г. рождения, уроженка Рамони Никитовского р-на Острогжского округа, с 1905 по 1927 г. монахиня в Писаревской обители; Сертакова Пелагея Михайловна, 1882 г. рождения, из Коротояка Острогжского округа, с 1906 по 1927 г. была монашкой в Писаревском монастыре (ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П. 19295. Л. 135; 136). Вместе с Писаревскими

монахинями была арестована Чиркова Матрона Анисимовна, в архивно-следственном деле нет протокола ее допроса. В отношении нее было заведено отдельное делопроизводство. Единственное, что мы знаем о ней, это то, что она отрицала обвинение, писала жалобу, что ее «незаконно содержат под стражей», и просила освободить ее по причине «преклонного возраста и плохого здоровья» (ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П. 19295. Л. 77).

В обвинительном заключении отмечалось: «Под руководством попа Дубинина монашки обсуждали вопросы борьбы с советской властью и намечали план контрреволюционной деятельности и подготовки к восстанию, после чего монашки расходились по деревням, вели среди крестьян агитацию, призывая последних не сдавать хлеб государству... монашки распространяли всевозможные молитвенники и иконки, различного рода крестики, покрывала и другие предметы... Монашки говорили: не идите в колхозы, кто там будет, тому гореть в аду... детям будут класть печать антихриста на лоб» (ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П. 19295. Л. 128–130).

Основной обвиняемый по делу, иеромонах Иннокентий (Дубинин), дал следующие показания: «В декабре 1924 г., где я стою на квартире, к моей хозяйке приходила ее подруга, тоже монашка из Песковатки, Чиркова. Никаких заговоров и совещаний я с ней не делал. Ко мне на квартиру приходили часто и другие монашки с просьбой разрешить им петь в церкви. Никаких собраний и агитаций против советской власти я не устраивал и монашек по селам агитировать не посылал. Виновным себя я не признаю» (ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П. 19295. Л. 132).

Трое монахинь признали себя виновными в агитации против советской власти, приведем цитату: «Виновной себя признаю, так как, когда распространяла крестики, то говорила, чтобы они не шли в колхозы... Дубинин нам говорил, чтобы мы ездили по селам и призывали крестьян к свержению советской власти» (ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П. 19295. Л. 133).

Другие пять монахинь отрицали свою виновность и против иеромонаха Иннокентия показаний не давали. Приведем цитату из показаний одной из обвиняемых: «Виновной в предъявленном мне обвинении я не признаю. Приехала я в Селявное Богу помолиться и поговорить, так как священник Дубинин служил по-старому, а не по обновленческому» (ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П. 19295. Л. 134).

18 августа 1930 г. Заседание Тройки при полномочном представителе ОГПУ по ЦЧО признало обвиняемых виновными по ст. 58-10, 58-11 и постановило: Дубинина Иннокентия Фомича – расстрелять. Киселеву Ф. Н., Трофимову Н. Б., Безмельцеву Ф. И.,

Липовцеву М. П., Марченко Е. И. заключить в концлагерь сроком на три года. Афоничеву П. А., Гриценко У. А., Сертакову П. М., Чиркову М. А. заключить в концлагерь сроком на пять лет (ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П. 19295. Л. 140, 141).

В 1930 г. 2 февраля были арестованы две монахини Писаревского монастыря, проживавшие в с. Елань-Колено Борисоглебского округа. Маслова Ульяна Даниловна, 1890 г. рождения, уроженка с. Голая-Снова Землянского у. Воронежской губ., и Рылькова Февронья Никифоровна, 1872 г. рождения, уроженка с. Елань-Колено. Согласно анкетным данным, они ушли из монастыря в мир после революции 1917 г. Точные даты ухода не указываются. На допросе Маслова Ульяна Даниловна о себе сказала, что «находилась в монастыре около Острогожска всего около 17 лет» (ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П. 25581. Л. 177 об.). Рылькова Февронья Никифоровна сказала, что прожила в монастыре около 20 лет (ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П. 25581. Л. 179 об.). Их обвиняли в том, что они входили в группу из 20 человек, занимались антисоветской агитацией, выступали против колхозов, говорили о скорой гибели советской власти; главным в группе, по мнению следствия, был священник «тихоновской» ориентации Федор Шальнев. Монахини вины не признавали, ни на кого не доносили. 24 февраля 1930 г. все арестованные по делу были признаны виновными по ст. 58-10, 58-11; священник Федор Шальнев приговорен к расстрелу, остальные осуждены к разным срокам лагерей: от 3 до 10 лет. Рылькова Февронья и Маслова Ульяна получили по 5 лет (ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П. 25581. Л. 197–198).

Еще двое монахинь Писаревского монастыря Бондарева А.Ф. 1870 г.р. и Кувыкина Н.Т. 1895 г.р. были арестованы 7 июня 1931 г. в с. Русская Матренка (ныне с. Мухомудеровка Белгородской обл.). Вместе с ними были арестованы еще 9 человек (монахи, монахини, священники), проживавшие в близлежащих селах. Главным обвиняемым был бывший Афонский иеромонах Марк (Михайловский). Все арестованные были бueвцами. Их обвиняли в антисоветской агитации, выступлении против колхозов. 15 августа 1931 г. Тройка признала арестованных виновными по ст. 58-10 и приговорила к разным срокам заключения (от 3 до 5 лет). Бывшие Писаревские монахини Бондарева А.Ф. и Кувыкина А.Т. получили по 3 года концлагеря (ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П. 21057).

Удалось также выявить факт «мягких» репрессий в отношении бывших монахинь Писаревской обители. Так, в 1933 г. некий гражданин М. П. Алешников подал заявление в избирательную комиссию с. Новая Чигла Таловского р-на ЦЧО, в котором он просил указанную комиссию лишить избиратель-

ных прав «Краснову Татьяну, бывшую монашку, проживавшую в Писаревском монастыре все десять лет, и Потамошневу Устинью Яковлевну как служащих церковного культа, торгуют 20 лет просфорами и до сего времени. Батракову Марфу Савельевну, проживавшую много лет в монастыре монашкой, а теперь лечат лошадей и людей, это всем известно, а я Алешников, проживший год полтора певчим частным, и то лишили избирательных прав и считают меня каким-то монахом. Прошу комиссию лишить избирательных прав, к сему подписываюсь» (ГАВО. Ф. Р-1826. Оп. 1. Д. 5. Л. 27).

Лишение избирательных прав означало лишение прописки, социальных гарантий, возможности устроиться официально на работу, детям лишенных избирательных прав был закрыт путь в высшие учебные заведения.

Источники и материалы

ГАВО – Государственный архив Воронежской области.

ГАОПИ ВО – Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Алексеевский 1899 – Алексеевский Аполлон, свящ. Освящение церкви при хуторе Ново-Харинском (Писаревка тоже) Острогожского уезда // Воронежские епархиальные ведомости. 1899. № 21. С. 854–856.

Мошенничество 1909 – Мошенничество // Острогожский листок (газета Острогожского уездного земства). 1909. № 47. 19 ноября. С. 2.

Ограбление Писаревского 1918 – Ограбление Писаревского монастыря // Известия (газета Острогожского Совета рабочих и крестьянских депутатов). 1918. № 62. 27 авг. С. 3.

Научная литература

Белоконов А. А. Тернистый путь. Очерки по истории России, Русской Православной Церкви, Воронежской епархии и Дивногогорского монастыря в XX – начале XXI века. Воронеж: Истоки, 2023.

Белоконов А. А. Любимый город: история храмов Острогожска как отражение истории Русской Православной Церкви в XX веке. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2025.

Кожин В. В. Россия. Век XX. М.: Эксмо, 2008.

Менжулин В. А. Борьба с детской беспризорностью в Воронежском регионе в 1920–1930-е годы. Дис... канд. ист. наук / Воронежский государственный педагогический университет. Воронеж, 2024.

О времени и о себе (Острогожск в воспоминаниях и исследованиях краеведов). Воронеж: Черноземье, 1997.

Павловский А. А. Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи и св. г. Афону. Нижний Новгород, 1907.

Православные Русские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. СПб., 1909.

Рылов В. Ю. Концлагеря Воронежской губернии 1919–1921 гг. // Из истории Воронежского края. Вып. 17. Воронеж, 2010. С. 153–156.

Степкин В. В. Мария Шерстюкова: к 200-летию преставления основательницы Белогорской пещеры // Традиции и современность. 2023. № 32. С. 30–45.

References

Belokonev, A. A. 2023. *Ternisty put'. Ocherki po istorii Rossii, Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi, Voronezhskoi eparkhii i Divnogorskogo monastyrya v XX – nachale XXI veka* [A Thorny Path. Essays on the History of Russia, the Russian Orthodox Church, the Voronezh Diocese, and the Divnogorsk Monastery in the 20th and Early 21st Centuries]. Voronezh: Istoki.

Belokonev, A. A. 2025. *Lyubimyi gorod: istoriya khramov Ostrogzhska kak otrazhenie istorii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v XX veke* [Beloved City: The History of Ostrogzhsk's Churches as a Reflection of the History of the Russian Orthodox Church in the 20th Century]. Voronezh: Izdatel'skii dom VGU.

Свято-Троицкая Писаревская женская обитель просуществовала 30 лет (1897–1927). Ее история не была богата какими-то выдающимися событиями, но в ней, как в зеркале, отразилась история Воронежского края и нашей страны. Введенные в научный оборот новые факты о ее основании, существовании, закрытии, судьбе монахинь позволяют глубже понять наше прошлое и вносят свою малую лепту в сокровищницу знаний о Воронежском крае.

Детская колония продолжила свое существование в советское время. С 1963 г. она была преобразована в школу-интернат. В 2025 г. она закрылась. Ныне идет процесс передачи зданий монастыря Россошанско-Острогожской епархии. Главе этой епархии епископу Дионисию (Шумилину) выражаем благодарность за помощь в исследовании.

Kozhinov, V. V. 2008. *Rossiya. Vek XX* [Russia. 20th Century]. Moscow: Eksmo.

Menzhulin, V. A. 2024. *Bor'ba s detskoj besprizornost'yu v Voronezhskom regione v 1920–1930-e gody* [The Fight Against Child Homelessness in the Voronezh Region in the 1920s and 1930s]. PhD diss., Voronezh State Pedagogical University. Voronezh.

Pavlovskii, A. A. 1907. *Vseobshchii illyustrirovannyi putevoditel' po monastyryam i svyatym mestam Rossiiskoi imperii i svyatoi gory Afon* [A comprehensive illustrated guide to the monasteries and holy places of the Russian Empire and Mount Athos]. Nizhnii Novgorod.

Rylov, V. Yu. 2010. *Kontslagerya Voronezhskoi gubernii 1919–1921 godov* [Concentration Camps in the Voronezh Province, 1919–1921]. In *Iz istorii Voronezhskogo kraia* [From the History of the Voronezh Region]. Issue 17: 153–156. Voronezh.

Stepkin, V. V. 2023. *Mariya Sherstyukova: k 200-letiyu prestavleniya osnovatel'nitsy Belogorskoj peshchery* [Maria Sherstyukova: On the 200th Anniversary of the Death of the Founder of the Belogorskaya Cave]. *Traditsii i sovremennost'* 32: 30–45.

THE HOLY TRINITY PISAREV MONASTERY FOR WOMEN IN THE CONTEXT OF THE HISTORY OF THE VORONEZH REGION IN THE 19th AND 20th CENTURIES

Abstract. This article, for the first time in modern historiography, examines the origins (in 1894), subsequent activities, and closure (in 1927) of the Holy Trinity Pisarev Convent, located in the Ostrogozhsky District of Voronezh Province. The fate of some nuns after the monastery's closure is also traced. The article is based on data from the State Archives of the Voronezh Region, the State Archive of Socio-Political History of the Voronezh Region, and the Russian State Historical Archive. The study reveals that the convent's founders in the late 19th century were simple peasant women. By 1917, the monastic community had built residential and utility buildings, a house church, and Trinity Cathedral. In 1921, the monastery was closed, its property confiscated by the state, and the nuns were left with the church and one residential building. The confiscated premises housed various children's institutions: a colony for weak children and a colony for juvenile delinquents. The Pisarevsky Monastery was finally closed by decree of the All-Russian Central Executive Committee in 1927. This study introduces new archival data into scholarly circulation and contributes to the study of the church history of the Voronezh region and the history of the Church as a whole.

Keywords: Ostrogozhsk District, Holy Trinity Pisarevsky Monastery, orphanage, Renovatianist schism, monasticism, repression of nuns.

Authors Info: Belokonev, Andrey A. – Graduate Student, Voronezh State Technical University, Guide, Divnogorsky Svyato-Uspensky man's diocesan monastery (Voronezh, Russian Federation). E-mail: fatum.1975@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-3113-4733>

For citation: Belokonev, A. A. 2026. The Holy Trinity Pisarev monastery for women in the context of the history of the Voronezh region in the 19th and 20th centuries. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost')* 45: 81–89

